

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

Джулия
Куин

Тысяча
поцелуев

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julia Quinn
THE SUM OF ALL KISSES

Перевод с английского *Т. Перцевой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rowland & Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Куин, Джулия.
К89 Тысяча поцелуев : [роман] / Джулия Куин ; [пер. с
англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 288 с.

ISBN 978-5-17-092958-0

Сара Плейнсуорт готова на многое ради любимой кузины, но быть милой с Хью Прентисом — это уж слишком. Разве не его пьяная выходка привела к безобразному скандалу, который едва не разрушил ее семью, а ей самой стоил крушения всех надежд на хорошую партию?

Сара едва сдерживает гнев, а Хью совершенно спокоен и, словно нарочно, постоянно оказывается рядом. Чего же он хочет, этот ужасный человек? Довести девушку до белого каления? А может, Хью просто хорошо понимает, что порой от ненависти до любви — только шаг, и рассчитывает превратить огонь ярости в пламя любви?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-092958-0

© Julie Cotler Pottinger, 2013
© Перевод. Т.А. Перцева, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Весна 1821 года

Лондон, за полночь

— Пикет требует хорошей памяти, — заметил граф Чаттерис, ни к кому в особенности не обращаясь.

Лорд Хью Прентис не слышал его, потому что сидел слишком далеко, за столиком у окна, и, что еще важнее, был изрядно пьян, но если бы слышал и был трезв, то непременно подумал бы: «Именно поэтому я и играю в пикет».

Вслух, конечно, он бы этого не сказал: Хью не из тех, кто сотрясает воздух попусту, — но подумать-то можно. Изменилось бы и выражение его лица: дернулся бы уголок губ, изогнулась бы правая бровь — едва-едва, — но для внимательного наблюдателя этого было бы достаточно, чтобы посчитать его снобом.

Хотя, честно говоря, в лондонском обществе явно не хватало внимательных наблюдателей.

Если не считать Хью.

Хью Прентис замечал все. И помнил все. Если бы захотел, мог бы пересказать наизусть «Ромео и Джульетту». Слово в слово. И «Гамлета» тоже. Вот «Юлия Цезаря» — нет, но только потому, что никак не мог выбрать время его прочитать.

Этот редкий талант Хью обнаружил в себе, после того как не раз был наказан за постоянные обманы учителей в первые два месяца пребывания в Итоне. Он скоро сообразил, что жизнь делается намного легче, если на-

меренно ответить неправильно на пару вопросов в контрольных работах. Не то чтобы он так уж сильно протестовал против обвинения в жульничестве — знал, что никого не обманывал, и плевать хотел на то, что окружающие об этом думают, — но его крайне раздражало, что приходится стоять перед учителями и выплевывать информацию, пока они не удостоверятся в его невиновности.

В чем его память действительно была незаменима, так это в картах. Будучи младшим сыном маркиза Рамстейта, Хью знал, что не унаследует ничего. Как правило, младшие сыновья поступали в армию, становились священнослужителями или присоединялись к охотникам за богатыми невестами. Поскольку у Хью не было стремления заниматься чем-то подобным, придется искать другие средства существования. А играть было так легко, особенно когда у тебя способности запоминать любую выпавшую карту — в определенном порядке...

Правда, последнее время стало труднее находить джентльменов, готовых с ним играть: уникальный талант картежника, присущий Хью, стал чем-то вроде легенды, — но если молодые люди достаточно выпили, то все же пытались. Каждому ведь хотелось стать первым, кто выиграет у Хью Прентиса.

Проблема заключалась в том, что сегодня вечером Хью тоже был довольно пьян. Это случалось не так часто: он старался не терять самоконтроль, поэтому не пил больше двух бокалов вина, — но сегодня встреча с друзьями проходила в низкопробном кабаке, где пинты пива следовали одна за другой, посетители громко переговаривались, а полногрудые женщины были необычайно игривы.

К тому времени как они добрались до клуба и им принесли карточные колоды, Дэниел Смайт-Смит, недавно получивший титул графа Уинстеда, был тоже пьян и красочно описывал трактирную служанку, с которой только что переспал. Чарлз Данвуди клялся вернуться на-

зад и превзойти искусство Дэниела, и даже Маркус Холройд, молодой граф Чаттерис, который всегда был чуть серьезнее других, смеялся так, что едва не свалился со стула.

Девушка Дэниела Хью не заинтересовала — куда предпочтительнее своя служанка, не такая дородная и куда более гибкая, — поэтому он только ухмыльнулся, когда друзья потребовали подробности. Разумеется, он помнил каждый дюйм ее тела, но хвастаться своими похождениями не собирался.

— На этот раз я вас побью, Прентис! — самонадеянно заявил Дэниел и чуть не рухнул на стол.

— Ради бога, Смайт, — простонал Маркус, — не начинайте!

— Нет-нет, я сумею! — с пьяным упрямством воскликнул Дэниел и, рассмеявшись, потряс пальцем в воздухе, отчего едва не потерял равновесие. — Именно сегодня!

— Он может! — поддержал его Чарлз Данвуди. — Я знаю, он может!

Никто не принял его заявление всерьез — даже будучи трезвым, Чарлз Данвуди «знал» много такого, что никак не могло оказаться правдой.

— Вот увидите, я смогу, — настаивал Смайт-Смит, указывая пальцем в сторону Хью. — Потому что вы много выпили.

— Ну, до вас ему далеко, — заметил Маркус, икнув.

— Нет, я считал! — объявил Дэниел. — Он выпил больше.

— Все равно больше всех я! — похвастался Данвуди.

— В таком случае вы определенно должны играть, — обрадовался Дэниел.

Игра началась. Подали вино. Все прекрасно себя чувствовали, до тех пор пока... Дэниел не выиграл.

Хью удивленно заморгал, уставившись на карты на столе.

— Я выиграл, — констатировал Дэниел почти с благоговением. — Взгляните только!

Хью мысленно перебрал все карты в колоде, игнорируя тот факт, что некоторые расплывались в глазах, что для него было совершенно нехарактерно.

— Я выиграл, — повторил Дэниел, на этот раз Маркусу, своему ближайшему другу.

— Нет, — пробормотал Хью, больше себе, чем окружающим, — это невозможно... просто невозможно.

Он никогда не проигрывал. Ночью, когда пытался заснуть, когда пытался не слушать, в мозгу сами собой возникали все карты, которые выпали за день, даже за неделю.

— Я сам не пойму, как это получилось, — заплетающимся языком пробормотал Дэниел. — Король, потом семерка, и я...

— Не семерка, а туз! — отрезал Хью, не в силах больше ни секунды выслушивать весь этот идиотизм.

— Хм... — хлопнул глазами Дэниел. — Может, и так.

— Боже! — не выдержал Хью. — Кто-нибудь, заткните его!

Ему нужна тишина, чтобы сосредоточиться и вспомнить карты. Если бы только получилось, все бы ушло, как в то время, когда они с Фредди поздно приходили домой и отец уже ждал с...

Нет-нет-нет.

Это нечто другое. Это карты. Пикет. Он никогда не проигрывает — это единственное, на что можно твердо рассчитывать.

Данвуди почесал в затылке, глянул на карты и стал громко считать, а потом вдруг воскликнул:

— Господа, я думаю, он...

— Уинстед, ты чертов шулер! — завопил Хью.

Слова эти вылетели будто сами собой: непонятно, откуда взялись и что заставило их произнести, — но, вырвавшись на волю, они наполнили воздух, злобно жужжа над столами.

Хью начало трясти.

— Нет... — обронил Дэниел.

И только. Руки, правда, у него ходили ходуном, а лицо выражало недоумение, озадаченность, словно... Но Хью не хотел думать об этом, не мог, поэтому вскочил, перевернув стол и цепляясь за единственную мысль в полной уверенности, что это правда: он никогда не проигрывает...

— Я не мошенничал, — оправдывался Дэниел, часто моргая. — Верите? Я никогда не мошенничаю.

Нет, Хью не верил: он просто должен был смошенничать! Он снова принялся перебирать в памяти карты, игнорируя тот факт, что валет размахивал настоящей дубинкой и гонялся за десяткой, которая пила вино из бокала, очень похожего на тот, что недавно разлетелся у его ног...

Хью вдруг осознал, что кричит, хотя понятия не имел, что именно. Червоная королева споткнулась... триста шесть на сорок два — двенадцать тысяч восемьсот пятьдесят два... Вино расплескалось по всему полу, а Дэниел стоял столбом и только повторял:

— О чем это он?

— Ты никак не мог получить туза! — прошипел Хью.

Туз вышел за валетом, за ним следовала десятка...

— Но получил, — пожал плечами Дэниел, рыгнув.

— Ты не мог! — отрезал Хью, покачиваясь, чтобы сохранить равновесие. — Я знаю все карты в колоде.

Дэниел глянул вниз, на карты. Хью смотрел на королеву бубен, с шеи которой капала мадера. Как кровь.

— Поразительно... — пробормотал Дэниел, глядя на Хью в упор. — Я выиграл. Подумать только.

Он издевается, что ли?! Неужели Дэниел Смайт-Смит, такой уязвимый граф Уинстед, издевается над ним?

— Я требую сатисфакции! — прорычал Хью.

Дэниел удивленно вскинул голову:

— Что?!

— Назовите ваших секундантов.

— Вы меня вызвали на дуэль?

Дэниел, не веря собственным ушам, повернулся к Маркусу:

— По-моему, он бросил мне вызов.

— Дэниел, заткнитесь! — простонал тот, моментально протрезвев.

Но Смайт-Смит отмахнулся от него и воскликнул:

— Хью, не будьте ослом!

Все, терпение лопнуло! Хью не раздумывая ринулся вперед. Дэниел попытался отскочить в сторону, но не успел, так что оба рухнули на пол. Ножка стола впилась Хью в бедро, чего он даже не почувствовал, потому что награждал Дэниела ударами: один, другой, третий, четвертый... — пока чьи-то руки не оттащили его, едва удерживая на месте.

— Проклятый мошенник! — не мог успокоиться Хью.

— Вы идиот! — парировал Дэниел, стряхивая с лица капли крови.

— Я требую сатисфакции.

— О нет, не вы, — прошипел Дэниел. — Это я требую сатисфакции!

— «Пэтч оф грин»? — холодно спросил Хью.

— На рассвете.

Воцарилось напряженное молчание: все ждали, пока кто-то из ссорившихся одумается.

Но они, конечно же, не одумались.

Хью улыбнулся, чувствуя, как растягиваются губы. И когда он смотрел на Дэниела, видел лицо другого человека.

— Так тому и быть.

— Вовсе не обязательно было так уж... кардинально, — с гримасой заметил Чарлз Данвуди, заканчивая осмотр пистолета.

Хью не потрудился ответить: слишком уж болела голова.

— То есть я верю, что он смошенничал, должен был смошенничать, поскольку... видите ли, вы — это вы, а вы всегда выигрываете. Не знаю, как это вам удастся, но что есть, то есть.

Хью едва шевельнул головой, но глаза описали медленную дугу в направлении лица Данвуди. Неужели он смеет обвинять в мошенничестве его?

— Думаю, все дело в математике, — продолжал разглагольствовать Данвуди, не обращая внимания на сардоническую гримасу Хью. — Вы в ней выше всяческих похвал...

Приятно. Всегда приятно, когда тебя хвалят — не важно, за что.

— ...и я точно знаю, что вы никогда не ошибались. Видит Бог, мы достаточно вас проверяли в школе. — Данвуди внезапно нахмурился: — Как вы это делаете?

Хью ответил бесстрастным голосом:

— Вы спрашиваете меня об этом сейчас?

— О... нет. Конечно, нет!

Данвуди откашлялся и отступил. К ним направлялся Маркус Холройд — возможно, с намерением попытаться предотвратить дуэль. Хью наблюдал, как сапоги Маркуса отмеряют шаги по мокрой траве. Левой ногой он ступал шире, чем правой, хотя и ненамного. Возможно, еще пятнадцать шагов — и он окажется перед ними, или шестнадцать, если обнаглеет и попытается вторгнуться в их пространство.

Нет, Хью в нем не ошибся: Маркус остановился на пятнадцатом шаге.

Маркус и Данвуди обменялись пистолетами для осмотра, а Хью слушал болтливую хирурга, рядом с которым стоял.

— Прямо сюда, — делился познаниями хирург, хлопая себя по верхней части бедра. — Я видел, как это бывает. Бедренная артерия. Истекаешь кровью, как зарезанная свинья.

Хью не ответил ему, потому что не собирался убивать Дэниела. У него было время обдумать ситуацию, и хоть злость не исчезла, причин лишать его жизни он не видел.

— Но если хотите действительно причинить боль, — продолжал разглагольствовать хирург, — не ошибетесь, если прострелите руку или ногу: там чертовски много нервов. Ведь не собираетесь же вы прикончить его? А конечности — нормально, далеко от важных органов.

Хью очень хорошо умел пропускать слова мимо ушей, но тут сдержаться не смог:

— То есть руки, по-вашему, не важны?

Врач провел языком по зубам, причмокнул, будто пытался вытащить застрявшие между зубами остатки пищи, и пожал плечами:

— Ну не сердце же...

Что тут скажешь — он прав, и это страшно раздражало Хью: он ненавидел, когда кто-то ему неприятный оказывался прав. Но должна же быть у этого идиота хоть капля здравого смысла, чтобы заткнуться, черт возьми...

— Только не цельтесь в голову, — не думал замолчать хирург. — Никому не нужно, чтобы пошли разговоры. Да и стоит это представить: мозги разбрызганы по земле, лицо изуродовано... фу! А каково на это смотреть в гробу?

— Где взяли это чудовище? — не выдержал Маркус.

Хью кивнул в сторону Данвуди:

— Это он нашел.

— А чем вы недовольны? Я цирюльник, — возмутился лекарь.

Маркус покачал головой и направился к Дэниелу.

— Приготовьтесь, джентльмены.

Хью так и не понял, кто отдал приказ: скорее всего кто-то знавший о дуэли и решивший покрасоваться перед остальными. Позже в Лондоне именно это было доказательством: «Я сам видел!»

— Готовьтесь!

Хью поднял руку и прицелился — на три дюйма правее плеча соперника.

— Один.

Господи, он и забыл о счете!

— Два!

В груди у него все сжалось. Счет. Вопли. Первый раз в жизни цифры стали его врагом. Голос отца, торжествующий, хриплый... и Хью, пытавшийся не слушать...

— Три!

Хью сжался.

И нажал курок.

— Ааааааауууууаааааааа!

Хью удивленно воззрился на Дэниела.

— Проклятье, вы меня подстрелили! — взвыл Смайт, хватаясь за плечо, белая рубашка на котором быстро краснела.

Нет, Хью целился в сторону, да и расстояние слишком незначительное и стрелок он хороший, просто превосходный.

— О Иисусе, — пробормотал хирург и бросился бежать.

— Вы его ранили! — ахнул Данвуди. — Почему?

У Хью не было слов. Дэниел ранен — возможно, смертельно, и выстрелил в него он, сам, никто его не заставлял.

Когда Дэниел поднял окровавленную руку, Хью вскрикнул, ощутив, как рвется плоть на его бедре.

Почему ему показалось, что он слышал выстрел до того, как Дэниел нажал на спусковой крючок? Он знал, что это неправильно. Если сэр Исаак Ньютон не ошибается, скорость звука — девятьсот семьдесят девять футов в секунду. Хью стоял приблизительно в двадцати футах от Дэниела, а это означает, что скорость пули...

Он все обдумал, просчитал, но так и не смог найти ответа.

— Хью! Хью! — донесся до него всполошенный голос Данвуди. — Вы в порядке?

Хью пытался разглядеть расплывавшееся перед глазами лицо Чарлза. Если он смотрит снизу вверх — значит, лежит на земле.

Хью несколько раз моргнул, стараясь сфокусировать взгляд. Может, он все еще пьян, не протрезвел после вчерашнего?

Нет, он не пьян. Во всяком случае, не слишком. Зато ранен — или, по крайней мере, так считает. Похоже, в него попала пуля, хотя теперь уже не так больно. Все же это объясняет, почему он лежит на земле.

Хью сглотнул. Почему так трудно дышать? Разве его ранили не в ногу? Если только ранили... Он по-прежнему не совсем понимал, что произошло.

— О господи! — раздался новый голос.

Маркус Холройд. Дышит тяжело. Лицо посерело.

— Надавите на ногу! — пролаял хирург. — И осторожнее с этой костью.

Хью попробовал что-то сказать.

— Жгут, — сказал кто-то. — Разве не нужно наложить жгут?

Хью сделал еще одну попытку.

— Не тратьте силы, — велел Маркус, взяв его за руку.

— Только не засыпайте! — лихорадочно бормотал Данвуди. — Держите глаза открытыми.

— Бедро! — прокаркал Хью.

— Что?

— Скажите хирургу...

Хью осекся, хватая ртом воздух.

— Бедро. Кровь как из зарезанной свиньи.

— О чем он? — удивился Маркус.

— Я... я... — Данвуди пытался выдавить хоть слово, но оно постоянно застревало в горле.

— Что? — вырвалось у Маркуса.

Хью глянул на Данвуди: он был бледен как полотно.

— Кажется, еще и шутить пытается.

— Боже!

Маркус грубо выругался и снова повернулся к Хью, но тот не смог определить выражение его лица.

— Ты просто упрямец... Еще и шутит!

— Не заплачьте, — предупредил Хью, поскольку у Данвуди дрожал голос — того и гляди разрыдается.

— Ту же! — приказал кто-то, и Хью почувствовал, как его дергают за ногу, затем сильно сдавливают.

— Вам лучше оставаться в стороне... — раздался голос Маркуса.

И на этом все. Темнота.

Очнулся Хью уже в постели. Было темно. Неужели прошел целый день? Или даже не один? Дуэль состоялась на рассвете. Небо было розовым...

— Хью?

Фредди? Что здесь делает Фредди? Он не мог вспомнить, когда в последний раз брат переступал порог отцовского дома. Хью хотел откликнуться, произнести его имя, объяснить, как счастлив его видеть, но в горле ужасно пересохло.

— Не пытайся говорить, — предупредил Фредди и наклонился к нему.

Горели свечи, и светловолосая голова брата казалась золотой. Они всегда были похожи куда больше, чем многие братья. Фредди был чуть ниже ростом, стройнее, светлее, зато с такими же, как у него, зелеными глазами и таким угловатом лицом. Да и улыбка у них была одна и та же.

— Сейчас напою тебя. — Фредди осторожно поднес ложку ко рту Хью и стал по капельке вливать воду.

— Еще, — прохрипел Хью. Вся вода впиталась в его пересохший язык, так что даже сглотнуть было нечего.

Фредди дал ему еще несколько ложек воды, но потом сказал:

— Пожалуй, хватит: слишком много сразу вредно.

Хью почему-то согласился с ним и кивнул.

— Очень больно?

Было очень больно, и у Хью возникло странное ощущение, что до того, как Фредди спросил, болело не так сильно.

— Она все еще на месте, знаешь ли, — сообщил Фредди, показывая на изножье кровати. — Я имею в виду твою ногу.

Конечно, на месте: иначе откуда эта адская боль? Где же ей еще быть...

— Иногда люди ощущают боль, даже когда теряют конечность, — нервно выпалил Фредди. — Это называется «фантомные боли». Я читал об этом, только не помню когда....

В таком случае это, возможно, правда. Память у Фредди была почти такой же хорошей, как у Хью, только ему лучше давались естественные науки — биология, например. Будучи ребенком, он все время шлялся по окрестностям, копался в грязи, выискивая нужные образцы. Хью пытался несколько раз составить ему компанию, но это оказалось чертовски скучно.

Он очень быстро понял, что интерес к шмелям не увеличивается с возрастанием количества шмелей. То же касается и лягушек.

— Отец внизу, — предупредил Фредди.

Хью хотел было кивнуть, но ему это не удалось, поэтому просто закрыл глаза.

— Мне стоило бы принять его...

Сказано это было неубедительно, и Фредди махнул рукой:

— Не нужно.

Минуту-другую братья молчали, потом Фредди встретился:

— Вот, выпей еще воды. Ты потерял много крови, поэтому так слаб.

Хью проглотил еще несколько ложек — боль в горле была адской.

— У тебя перелом бедренной кости. Доктор сказал, что она раздроблена. — Фредди откашлялся. — Боюсь, ты застрял здесь надолго. Бедренная кость самая крупная — понадобится несколько месяцев, чтобы она срослась.

Фредди врет — слышно по голосу, — а это означает, что на выздоровление уйдет гораздо больше времени. Не исключено, что нога вообще не срастется и он останется калекой. Вот будет забавно...

— Какой сегодня день? — прохрипел Хью.

— Ты лежал без сознания трое суток, — ответил Фредди, правильно истолковав вопрос.

— Трое суток!.. — в ужасе повторил Хью. — Господи боже!

— Я приехал вчера — меня Корвилл уведомил.

Хью снова попытался кивнуть: вполне естественно, что именно дворецкий дал Фредди знать о ранении брата.

— Как там Дэниел? — спросил Хью.

— Лорд Уинстед? — Фредди помялся. — Его нет.

Глаза Хью широко раскрылись.

— Нет-нет, ты не так понял: он не мертв, — поспешил заверить брата Фредди. — Плечо повреждено, но ничего страшного — поправится. Просто покинул Англию, вот и все. Отец пытался добиться его ареста, но тогда ты еще не был мертв...

«Еще!» Забавно.

— А потом... честно говоря, не знаю, что отец ему сказал. Он приехал повидать тебя на следующий день после случившегося. Меня не было, но Корвилл говорил, что Уинстед пытался извиниться, а отец ничего не пожелал слышать. Ты же его знаешь... — Фредди неловко откашлялся. — По-моему, лорд Уинстед отправился во Францию.

— Ему следовало бы вернуться, — прохрипел Хью. — Он не виноват: дуэль затеял я.

— По этому поводу тебе лучше потолковать с отцом, — пробормотал Фредди. — Я слышал, он намерен выследить и арестовать Уинстеда.

— Во Франции?!

— Я даже не пытался его урезонить.

— Ну разумеется.

Да и кто может урезонить сумасшедшего?

— Все думали, что ты при смерти, — пояснил Фредди. Понятно. И это самое ужасное.

Маркиз Рамсгейт не мог выбирать наследника: право первородства обязывало его передать титул, земли, состояние — словом, практически все, что входило в майорат, — Фредди, но все знали, что если бы выбор был, то он предпочел бы Хью.

Фредди в свои двадцать семь еще не был женат. Хью хоть и надеялся, что брат когда-нибудь женится, но знал, что ни одна женщина в мире не сможет привлечь его внимание, и принимал это. Не понимал, но принимал. Как